

Натали Бурма

Мой муж
ВИКИНГ

Натали Бурма

Мой муж викинг

Серия «Попаданцы», книга 2

<https://litres.ru/73962023>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пойти за кефиром и попасть в плен к викингам? Лена и подумать не могла, что обычный поход в «Магнит» обернется падением сквозь пространство. Теперь её дом - суровый лагерь среди лесов, а «муж» - могучий ярл Олаф, который ждал её по древнему пророчеству.

У неё есть ровно месяц до открытия портала. Месяц, чтобы выжить среди чужих законов, научиться рубить дрова топором и не сойти с ума от тоски по маленькому сыну Ване. Но с каждым днём стена между ней и рыжебородым вождём тает. Он учит её сражаться, она учит его плакать. А ночью шепчет в темноту имя своего ребёнка, не зная, что Олаф понимает каждое слово.

Когда на лагерь нападают враги, Лена понимает: она не просто пленница. Она - единственная, кто может спасти этого человека. Но сможет ли она выбрать между возвращением домой и любовью, ради которой стоит бросить вызов самим богам?

Содержание

Пролог - «Портал»	4
Глава 1 - «Чужой мир»	21
Глава 2 - «Хлеб и топор»	39
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Натали Бурма

Мой муж викинг

Пролог - «Портал»

Субботнее утро пахло осенней свежестью.

Лена поняла это ещё до того, как открыла глаза - запах был настойчивый, чуть горьковатый, с примесью мокрых листьев и далёкого дыма от чьей-то печки. Он пробивался сквозь сон, в котором она шла по бесконечному полю, а навстречу ей из тумана выходил мужчина. Она не видела его лица, но чувствовала его тепло, слышала низкий, спокойный голос: «Не бойся, я рядом». А рядом, прижимаясь к её ноге, стоял маленький Ваня и тянул ручки к этому мужчине. И Лена знала - это не Илья, который ушёл полгода назад, оставив после себя только пустоту в её душе и зубную щётку в стакане. Это кто-то другой. Сильный. Надёжный. Тот, кто не бросит.

- Ма-а-а-м, - донеслось из-под одеяла.

Лена открыла глаза. Рядом, уткнувшись носом ей в плечо, сопел Ваня. Ему было два года. Светлые волосы торчали во все стороны, как одуванчик после дождя. Он уже не спал - тёплая ладошка лежала на Лениной щеке, и голубые глаза

смотрели серьёзно и требовательно.

- Мама, - повторил Ваня. - Вставай.

Лена притянула его к себе, поцеловала в макушку. Пахло от сына молоком и детским шампунем - запах, который она могла узнать из тысячи. Она лежала, чувствуя, как сон медленно отпускает, унося с собой образ того незнакомца. Жалко. Хороший был сон. Правильный.

- Доброе утро, мой зайчик, - прошептала она. - Дай маме проснуться.

Она села на кровати, кутаясь в халат, который когда-то был синим, а теперь отдавал благородной сединой после стирок. Ваня тут же переполз к ней на колени и устроился свесив ноги. Квартира пахла кофе - Лена научилась ставить таймер на кофеварку, и это было лучшее изобретение человечества после подгузников с застежками.

- А баба плидёт? - спросил Ваня, играя с пуговицей на халате.

Лена посмотрела на часы. Половина девятого. Мама должна была прийти в десять.

- Придёт, - вздохнула она. - Ненадолго.

- Ненадолго? - Ваня нахмурился, пытаясь осмыслить это понятие.

- Часа на три - ответила Лена.

Они перешли на кухню. Лена заварила кашу - овсянку с яблоком, потому что Ваня любит, когда «жёлтенькое плавает». Пока каша заваривалась, она успела налить себе кофе. Обычное утро в обычной двушке на окраине Челябинска.

За окном висело низкое октябрьское небо цвета несвежей простыни. Берёзы во дворе уже облетели, только кое-где на ветках трепетали жёлтые лоскуты. Детская площадка мокла после вчерашнего дождя. Лена работала копирайтером на фрилансе - платили немного, зато можно было сидеть дома. Илья, бывший муж, ушёл полгода назад к какой-то администраторше из фитнес-клуба, оставив на прощание фразу: «Ты слишком много ноешь». Лена тогда не заплакала - она подождала, пока Ваня уснёт, села на кухне, налила себе красного вина и прорыдала ровно сорок минут. Потом вытерла лицо и поклялась, что больше не будет плакать из-за мужиков. Сдержала слово ровно на три недели. Потом снова плакала, но уже в душе, чтобы Ваня не слышал.

Мама пришла ровно в десять. Нина Павловна - женщина

невысокого роста, неиссякаемой энергии и железобетонной убеждённости, что её дочь не способна прожить и дня без материнского контроля. Она стояла на пороге в своём пальто с каракулевым воротником, которое носила уже лет десять, но выглядело оно так, будто купили его вчера. Волосы уложены в аккуратную седую причёску, сумка через плечо - та самая, кожаная, ещё советская, с застёжкой-крокодилчиком. От мамы пахло пирогами - буквально. Пирогами, «Красной Москвой» и чем-то аптечным, неуловимым.

- Ну что, - сказала Нина Павловна, переступая порог и с ходу снимая пальто, - давай, иди уже по своим делам. Я Ваней займусь.

- Мам, я просто в магазин. На полчаса.

- Тьфу, - махнула рукой Нина Павловна. - Я часа на три пришла, как договаривались. Иди не торопись. И возьми себе что-нибудь вкусненькое. Ты вон худая какая, смотреть страшно. Этот твой Илья... - она не договорила, но Лена и так знала.

- Мам, не надо про Илью.

- А что про него говорить? Козёл он, и всё. А ты красавица у меня, найдётся ещё хороший человек. Не век же одной мыкаться.

Лена не стала спорить. Спорить с мамой было всё равно, что спорить с законом всемирного тяготения - можно, конечно, но результат будет предсказуем. Она чмокнула Ваню в макушку (он сидел на ковре, листая книжку с картинками), накинула куртку, сунула в карман телефон, ключи, кошелёк и вышла в подъезд.

Лестница пахла кошками и чьими-то щами. Лампочка на площадке моргала с таким ритмом, что можно было танцевать техно. Лена спустилась на первый этаж, толкнула тяжёлую дверь - и октябрьский воздух ударил в лицо, свежий, холодный, с примесью мокрой листвы и бензина от припаркованных машин.

Дорога в «Магнит» занимала семь минут, если идти быстрым шагом, и двенадцать, если неспешно. Лена выбрала средний темп - она не торопилась, но и мёрзнуть не хотела. Ветер дул с Уральских гор, которые отсюда, конечно, не были видны, но их присутствие ощущалось в каждом порыве - жёстком, колючем, вышибающем слезу.

Она шла мимо панельных домов, мимо остановки, где кучковались люди, мимо ларька с шаурмой, который работал круглосуточно и пах так, что даже сытый человек начинал хотеть есть. Мысли текли лениво. Что купить? Молоко,

хлеб, творог - Ване нравится творог. Может быть, взять ему йогурт? Или не надо, он в прошлый раз половину вылил на диван. А диван теперь пахнет йогуртом, и никакие народные средства не помогают.

Она подумала об Илье. Нет, не о том, что скучает, а так - механически. О том, что если бы он остался, сейчас бы сидел дома, смотрел телевизор и ждал, пока она принесёт продукты. И, скорее всего, не спросил бы, тяжело ли ей. А потом вспомнила свой утренний сон. Тот мужчина - без лица, но с тёплыми ладонями и спокойным голосом. Глупости. Сказки для взрослых девочек, которые развелись и теперь спят одни.

«Магнит» встретил её запахом хлорки, дешёвой выпечки и кассового тепла. Она взяла корзину - ту, что поменьше - и двинулась в сторону молочной секции. Магазин был почти пустым. В десять утра в субботу нормальные люди либо спали, либо уже уехали за город.

Молочная секция находилась в дальнем углу. Здесь было холоднее - холодильники гудели ровно и убаюкивающе. Лена взяла пакет молока, потом творог - два, потому что мама всё равно сделает замечание, что «мало взяла», - потом сметану. В голове автоматически складывалась сумма: «примерно четыреста рублей, плюс-минус».

Она уже повернулась, чтобы идти к кассе, когда заметила на нижней полке кефир. Мама любит кефир. Лена присела на корточки, потянулась за бутылкой - и в этот момент мир дёрнулся.

Сначала она подумала, что у неё закружилась голова. Но она не вставала - она сидела на корточках. А пол под ней двигался. Кафельная плитка - обычная, серая, с мелкими трещинами - вдруг стала нечёткой. Словно кто-то взял ластик и начал стирать края. Потом плитка пошла рябью, как вода в озере, когда бросаешь камень. Потом она засветилась.

Свет шёл откуда-то из-под пола. Он был не белым и не жёлтым, а каким-то неправильным - фиолетово-золотисто-синим, как бензиновая плёнка в луже, только в сотню раз ярче. И пахло резко, непривычно - озоном, как после грозы, и одновременно чем-то сладким, приторным.

«У меня галлюцинации, - спокойно подумала Лена. - Недосып, стресс. Надо к врачу».

Она попыталась встать, но тело не слушалось. Ноги приросли к этому мерцающему полу. Мерцание усиливалось, поднималось от ног вверх, обвивало её, как змея, тяжёлое, плотное, почти осязаемое. Лена хотела закричать - и не услы-

шала собственного голоса. В ушах зазвенело - тонко, пронзительно, на грани боли. Корзина с продуктами выпала из рук, стакан сметаны покатился по полу.

А потом пол исчез.

Она падала. Не вниз - это было падение во всех направлениях сразу. Её тело выгибалось, крутилось, каждый сантиметр кожи чувствовал, как пространство меняется - становится то упругим, как резина, то жидким, как вода. Воздух закончился. Вместо воздуха в лёгкие затекало это... ничто.

«Ванечка», - успела подумать Лена, и в этот момент что-то ударило её по спине, и она полетела кувырком, задевая плечом что-то твёрдое и шершавое.

Боль пришла не сразу. Сначала была темнота. Потом - сырость. Потом - запах. О, этот запах. Он был совершенно другим. Не магазинным, не городским. Он пах землёй - настоящей, лесной, перепревшей листвой и мхом. Пах хвоей - густо, смолисто, так, что щипало в носу. И ещё - дымом. Далеко, но отчётливо, будто где-то горел костёр.

Лена лежала на животе, уткнувшись лицом в мягкий, влажный мох. Где-то над головой шумели деревья - тяжело, мощно, словно дышало само древнее существо. Она поше-

велила пальцами - слушались. Пошевелила ногами - тоже работают.

«Жива», - это была первая мысль. Вторая: «Где телефон?»

Она обшарила карманы куртки - пусто. Джинсы - пусто. Тот самый карман, куда она сунула телефон перед выходом, был девственно пуст. Телефон пропал.

- Нет, - прошептала Лена. - Нет, нет, нет.

Паника накрыла с головой. Она представила Ваню. Ваня сидит на ковре с книжкой, мама на кухне греет чай. Они даже не знают, что с ней. Она пропала. Исчезла.

«Встань, - приказала она себе. - Встань и иди».

Она встала. Ноги тряслись, но держали. Куртка была порвана на локте. В волосах запутались хвоинки. Лена сделала шаг. Второй. Третий. Лес молчал - птицы не пели, не трещали сучки. Только ветер гулял в кронах да где-то далеко, очень далеко, стучал топор.

Она шла, раздвигая руками папоротник, который доходил ей до пояса. Прошла мимо огромного валуна, поросшего лишайником, перешагнула через упавший ствол. А потом лес

закончился.

Она вышла на поляну - и замерла. Поляна была огромной, окружённой соснами, как стражниками. В центре стояли дома - длинные, низкие, с двускатными крышами, покрытыми дёрном. Из конька одного из домов торчала резная голова дракона. Вокруг сустились люди - высокие, широкоплечие, в грубой одежде из кожи и меха. Мужчины с бородами, женщины в длинных платьях с металлическими застёжками. В воздухе пахло дымом, варёным мясом и потом.

Лена стояла на краю поляны, и её заметили.

Сначала один - мужчина, таскавший брёвна. Он замер с бревном на плече и уставился на неё. Потом - женщина у костра, помешивавшая что-то в огромном котле. Потом - все. Тишина накрыла поляну.

Из самого большого дома вышел мужчина. Он был выше остальных на голову, а то и на две. Рыжие волосы стянуты в низкий хвост, борода густая, с проседью на подбородке. Одежда: кожаные штаны, заправленные в высокие сапоги, шерстяная рубаха, поверх - жилет из меха неведомого зверя. На поясе - топор. Настоящий, боевой, с широким лезвием.

Он подошёл к Лене медленно, не спеша, и остановился в трёх шагах. Глаза - серые, как небо над Челябинском в ноябре - смотрели внимательно. Потом он обернулся к своим и сказал что-то на языке, которого Лена почти не понимала. Короткие, рубленные слова, похожие на удары топора по дереву. Ему ответили гулом одобрения.

Мужчина снова повернулся к Лене. Взял её за подбородок - осторожно, но твёрдо - и повернул лицо сначала в одну сторону, потом в другую. Лена не сопротивлялась. Она вообще перестала что-либо понимать с того момента, как пол в «Магните» засветился.

- Ярл Олаф, - сказал он, ткнув себя в грудь. - Олаф Харальдссон. - И указал на неё. - Ты. Жена. Пророчество. Месяц.

Лена открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

- Мне нужно домой, - выдохнула она. - У меня сын. Ему два года. Понимаете? Ребёнок. Я не могу здесь оставаться.

Олаф нахмурился. Не потому, что не понял - он явно что-то понимал, - а потому, что её голос дрожал. Он убрал руку, отошёл на шаг и обвёл рукой поляну, дома, людей.

- Портал, - сказал он. - Луна. Полный круг. Тридцать дней.
- Он поднял одну руку, растопылив пальцы, потом сложил их в кулак и снова растопырил. Тридцать. - Потом - портал. Ты уйти. Если жить.

- Если жить? - переспросила Лена. - Что значит «если жить»?

Олаф не ответил. Он повернулся и пошёл к своему дому, бросив через плечо что-то женщинам. Две из них подошли к Лене - молодые, крепкие, с косами, уложенными вокруг голов. Одна взяла её за руку, что-то сказала - без злобы. Вторая обошла сзади и легонько подтолкнула в спину.

Лену привели в один из домов - поменьше, без драконьей головы. Внутри пахло шерстью и сушёными травами. На земляном полу лежали шкуры - медвежьи, волчьи, оленьи. В углу стояла деревянная кровать, застеленная чем-то тёплым.

Женщина с низким голосом указала на кровать и вышла.

Лена села на край. Шкуры были жёсткими, но тёплыми. Она обхватила себя руками и уставилась в стену, где висел гобелен с кораблями и мужчинами с топорами.

«Я попала в мир викингов. Это не может быть реально-стью».

Но шкуры пахли реально. И дым - реально. И страх - холодный, липкий, поднимающийся от живота к горлу - он был самым реальным из всего.

Дверь отворилась. Вошёл Олаф. В руках - деревянная миска с паром. Поставил перед Леной на ящик. В миске была каша с мясом. Пахло аппетитно, но Лену тошнило.

- Ешь, - сказал он. Это слово она поняла.

- Не хочу.

Олаф сел напротив неё на корточки, так что их глаза оказались на одном уровне. Смотрел долго, молча. Потом медленно, разделяя каждое слово, произнёс:

- Ты. Нужна. Живая. Пророчество. Месяц. Потом - сын. Твой сын. Два года.

Он повторил её слова - про сына и два года. Значит, запомнил. Лена почувствовала, как к горлу подступает ком.

- Я должна вернуться к нему, - прошептала она. - Вы не

понимаете. Он один. У него никого нет, кроме меня.

Олаф молчал. Потом встал, поправил топор на поясе.

- Ешь, - повторил уже тише. - Или умрёшь.

Дверь закрылась.

Лена сидела, глядя на миску. Каша остывала. В горле стоял ком. Она думала о Ване - о его светлых волосах, о том, как он говорит «мама», о том, как он тянет ручки. «Если я умру, он останется один. Через месяц он забудет, как я пахну. Через два - как я выгляжу. Через год - что я вообще существовала».

Лена взяла ложку - деревянную, грубо вырезанную. Зачерпнула кашу. Пожевала. Мясо было жёстким, каша пресной. Но она жевала, глотала, жевала снова. Слезы текли по щекам, капали в миску. Она не вытирала их.

Закончив, поставила пустую миску на ящик, легла на шкуры и свернулась калачиком. Шерсть кололась в щёку. За стеной слышались голоса - гулкие, низкие, чужие. Лена закрыла глаза и попыталась представить Ваню. Его запах - детский шампунь. Его смех.

Она не знала, сколько прошло времени. Может, час. Может, три. Когда она открыла глаза, за щелями между брёвнами было темно. Ночь.

Она лежала без сна, слушая, как воет ветер, а где-то вдалеке - волк. Или собака. Плакать больше не было сил. Просто лежала и смотрела в потолок, где плясали отблески догорающего огня.

На следующий день, когда серый рассвет пробился сквозь щели, Лена вышла из дома. Викинги косились на неё, но не трогали. Она отошла к опушке, нашла большую сосну с гладкой корой. Рядом валялся острый камень. Лена подняла его и начала выцарапывать на дереве чёрточку.

Одна.

Она отступила на шаг, посмотрела на свой знак. «Двадцать девять, - сказала она себе. - Осталось двадцать девять дней, Ваня. Мама вернётся».

Она вернулась в дом, сжалась на шкурах и заплакала.

За стеной, в большом доме с драконьей головой, Олаф Харальдссон сидел у своего очага и слушал. Он слышал, как плачет женщина. Слышал и ничего не делал. Не потому, что

ему было всё равно, а потому, что знал: сейчас любое слово будет лишним. Горе должно выгореть само, как угли в костре.

Он бросил в огонь ещё одно полено и подумал о том, что пророчество, которое он считал сказкой для старых женщин, оказалось правдой. Женщина из другого мира пришла. И теперь у него есть месяц, чтобы сделать её своей женой. Не только по обычаю - по-настоящему.

Он усмехнулся в бороду. Месяц. Смешное время, чтобы полюбить. И вечность - чтобы забыть.

За стеной плач стих. Остаток дня Лена просидела у дома, глядя, как викинги живут своей жизнью. Дети гоняли деревянные мячи, старики чинили сети, женщины пряли шерсть. Никто к ней не подходил, кроме одного викинга - он принёс ведро воды и молча поставил у порога. Лена попробовала улыбнуться, но вышло криво. Викинг кивнул и ушёл.

К вечеру она заметила, что кто-то положил ей на крыльцо толстую шерстяную накидку - наверное, одна из тех, что привели её в дом. Лена укуталась в накидку, сжалась в комок и снова заплакала, но уже тихо.

Олаф погасил светильник и лёг на свою постель, положив

топор рядом - так, чтобы можно было схватить в любой миг.
И долго смотрел в потолок.

Глава 1 - «Чужой мир»

Первый день в мире викингов Лена запомнила на всю жизнь. Не потому, что он был наполнен событиями - наоборот, он был пустым, как выскобленная миска. Она сидела на краю поляны, там, где лес расступался, открывая вид на туманную даль, и смотрела в ту сторону, откуда пришла. Не то чтобы она знала, где именно открылся портал - в момент падения она потеряла всякую ориентацию. Но интуиция подсказывала: где-то там, между теми двумя старыми соснами, которые росли так близко, что их кроны сплетались, образуя тёмный шатёр.

Она сидела на замшелом камне, обхватив колени руками, и ждала.

Чего она ждала? Чуда. Провала. Возвращения. Того, что земля снова засветится, воздух запахнет озоном, и она упадёт на кафельный пол «Магнита» среди разлитого молока и раскатившихся творожков. Этого не происходило. Земля была обычной - влажной, холодной, покрытой прошлогодней листвой и молодым мхом. Воздух пах хвоей, дымом и ещё чем-то сладковато-гнилостным - может быть, грибами, может быть, болотом где-то неподалёку.

Солнце - если это вообще было солнце, а не какое-то другое, местное светило - ползло по небу медленно, как улитка. Лена не знала, сколько времени прошло с момента её падения. Часов не было. Телефона - тоже. Она в очередной раз машинально похлопала по карманам, хотя знала, что там пусто. Жест отчаяния, который ничего не менял.

- Дура, - прошептала она себе. - Какая же дура. Надо было не ходить за этим кефиром.

Где-то за спиной шумел лагерь. Викинги занимались своими делами - стучали топорами, переговаривались низкими голосами, таскали воду из ручья, который Лена заметила вчера, когда её вели к дому. Женщины смеялись - резко, гортанно, совсем не так, как смеются женщины в Челябинске. Дети - да, здесь были дети, она видела двух мальчишек, которые гонялись за собакой, - кричали на непонятном языке. Мир жил своей жизнью, не замечая её, чужую, сидящую на камне и смотрящую в пустоту.

Кто-то подошёл сзади. Лена не обернулась - всё равно не поймёт, что скажут. Но человек не заговорил. Он просто встал рядом - массивный, пахнущий кожей и потом - и тоже уставился в лес. Лена покосилась. Это был не Олаф. Мужчина помоложе, с русыми волосами, заплетёнными в тонкую косичку, и с татуировкой на шее - каким-то замысловатым

узлом, похожим на веревочную петлю. Он держал в руке топор - не боевой, хозяйственный, с длинной рукоятью.

- Идти надо, - сказал он вдруг. Лена вздрогнула - русские слова, пусть и с ужасным акцентом, прозвучали как гром среди ясного неба. - Ярл сказал. Не сидеть. Идти.

- Ты говоришь по-русски? - выдохнула Лена, вскакивая с камня.

Мужчина нахмурился, словно силился понять её вопрос. Потом медленно, подбирая слова, ответил:

- Мало. Торговал. С гостями. - Он показал рукой куда-то на юг, где, видимо, были другие поселения или торговые пути. - Слова есть. Мало.

- Помоги мне, - Лена схватила его за рукав. - Мне нужно вернуться. Там, в лесу, портал. Я упала оттуда. Скажи своему ярлу, чтобы он отпустил меня. У меня ребёнок, понимаешь? Сын. Маленький. Он без меня пропадёт.

Мужчина слушал, не перебивая. Потом аккуратно, но твёрдо освободил рукав.

- Нельзя. Ярл сказал - жена. Месяц. Пророчество. Если я

помочь - смерть. - Он провёл пальцем по горлу. - Моя смерть. Твоя - нет. Ты нужна живая.

- Какое пророчество? - Лена почти кричала. - Я ничего не понимаю! Я обычная женщина из Челябинска, я не умею воевать, не умею колдовать, я даже хлеб сама не пеку - покупаю в магазине. Зачем я вам?

Мужчина пожал плечами. Жест был универсальным, не требующим перевода.

- Ярл знает. Я - нет. - Он помолчал. - Есть надо. Пить. Сидеть здесь - слабость. Идти в лагерь.

Он развернулся и зашагал обратно, не оборачиваясь. Лена смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри поднимается горячая, беспомощная злость. Она хотела закричать что-то вслед, швырнуть камнем, но сил не было. Вместо этого она села обратно на камень и снова уставилась в лес.

«Месяц, - подумала она. - Тридцать дней. Тридцать ночей. Я не выдержу».

В лагере звякнул колокол - или что-то, что его заменяло. Лена поняла, что это зовут к еде. Она не хотела есть. Желудок скрутило от одного воспоминания о вчерашней каше

- пресной, с жёсткими кусками мяса, которая пахла дымом так сильно, что першило в горле. Но ноги сами понесли её к лагерю - не потому, что она хотела есть, а потому, что сидеть на камне было физически больно. Холод проникал сквозь джинсы, и Лена начала мёрзнуть ещё час назад.

Она вошла в лагерь - нерешительно, как воришка. Викинги не обращали на неё внимания, или делали вид. У большого костра, где в котле варилось что-то, распространявшее запах лука и перца, собрались почти все. Лена заметила, что у них есть иерархия: мужчины сидели ближе к огню, женщины и дети - чуть поодаль. Олаф восседал на каком-то подобии трона - массивном деревянном кресле с резными подлокотниками, изображавшими звериные головы. Он ел из деревянной миски, не спеша, с достоинством, и смотрел прямо перед собой. Когда Лена появилась на краю поляны, его взгляд скользнул по ней и остановился. Она почувствовала этот взгляд - тяжёлый, оценивающий.

Женщина с низким голосом, которая вчера привела Лену в дом, подошла к ней и сунула в руки миску. В миске была та же каша - Лена поняла это по запаху. Она взяла ложку, поднесла ко рту - и не смогла проглотить. Рот наполнился слюной, но не от голода, а от тошноты. Она поставила миску на землю.

- Не могу, - сказала она, обращаясь к женщине. - Не лезет.

Женщина не поняла, но выражение её лица стало озабоченным. Она что-то сказала Олафу - короткую фразу, в которой Лена разобрала только имя ярла и, кажется, слово «еда». Олаф отложил свою миску, поднялся и подошёл к Лене. Весь лагерь притих - даже дети перестали шуметь.

- Почему не ешь? - спросил он. Вопрос прозвучал не как просьба объяснить, а как требование.

Лена подняла на него глаза. Он был огромным - сейчас, стоя над ней, загораживая солнце, он казался ей скалой, которая вот-вот обрушится. Но страх куда-то ушёл, оставив место пустоте и усталости.

- Я хочу домой, - сказала она. - К сыну. Я не могу здесь есть, не могу здесь спать, не могу здесь жить. Отпустите меня. Пожалуйста.

Олаф слушал, не перебивая. Потом наклонился, поднял миску с земли и снова сунул ей в руки.

- Ешь, - повторил он. - Умрёшь - не увидишь сына.

Эти слова - «не увидишь сына» - ударили Лену под дых.

Она почувствовала, как слёзы снова подступают к глазам, но сдержалась. Заставила себя не плакать при всех. Заставила себя поднести ложку ко рту. Проглотить. Ещё раз. Ещё.

Каша была отвратительной. Но она ела.

Олаф стоял рядом, пока она не доела до конца. Потом молча забрал миску, передал женщине и ушёл к своему креслу. Ни слова благодарности. Ни слова ободрения. Просто факт: она поела - и он удовлетворился.

Лена отошла в сторону, села на бревно у стены одного из домов и закрыла глаза. Перед внутренним взором стоял Ваня. Она представила его утреннее лицо - сонное, с прилипшими ко лбу волосами. Представила, как он говорит «мама» - растягивая первый слог, делая ударение на «а». Представила, как он тянет ручки из кровати. А потом представила, что она не возвращается. Что день сменяется днём, а её всё нет. Что Ваня сначала плачет, потом перестаёт, потому что сил больше нет. Что мама - её мама, Нина Павловна - забирает его к себе, в свою однушку на первом этаже, где пахнет старыми вещами и валерьянкой. Что Ваня привыкает к бабушке, потому что дети привыкают ко всему. Что через месяц он уже не ищет маму по утрам. Что через год слово «мама» становится для него просто звуком, как «лампа» или «машина».

- Нет, - прошептала Лена так тихо, что никто не услышал.
- Нет, я вернусь. Я должна вернуться.

Она открыла глаза и огляделась. Лагерь жил своей жизнью. Двое мужчин точили мечи - Лена видела лезвия, которые поблёскивали на солнце. Женщины пряли шерсть - грубую, серую, из которой потом, наверное, ткали одежду. Ребёнок лет пяти нёс ведро с водой, расплёскивая её на каждом шагу. Всё было чужим, неправильным, ненастоящим. Но в то же время - настоящим до боли. Она протянула руку и коснулась бревна, на котором сидела. Дерево было шершавым, с занозами. В щели между брёвнами торчал пучок сухой травы - кто-то законопатил стену. Всё это было реально.

Реальнее, чем её прошлая жизнь.

- Не думай об этом, - сказала она себе. - Думай о днях. Один день прошёл. Двадцать восемь осталось.

Она встала, пошла к той сосне, где вчера сделала зарубку, и выцарапала вторую чёрточку. Теперь их было две.

Вернувшись в лагерь, она столкнулась с тем русскоговорящим викингом. Он нёс охапку дров и кивнул ей.

- Как тебя зовут? - спросила Лена. - Хотя бы имя.

- Эйнар, - ответил он. - Сын Бьорна.

- Лена, - сказала она. - Просто Лена.

- Лена, - повторил он, пробуя имя на вкус. - Странное имя. Короткое.

- А ты научишь меня вашему языку? - спросила она. - Хотя бы несколько слов. Чтобы я могла сказать «еда», «вода», «спасибо».

Эйнар задумался. Потом кивнул.

- Мало слов. Но научу. Ярл не запрещал.

- А он вообще что-нибудь запрещал?

- Не уходить в лес. Не трогать оружие. Не разговаривать с чужими. - Эйнар поставил дрова на землю и принялся пересчитывать их, видимо, проверяя, хватит ли на вечер. - Остальное - можно.

- А если я уйду в лес? - Лена старалась, чтобы голос звучал равнодушно, но внутри всё напряглось.

- Найдут, - сказал Эйнар просто. - Собаки найдут. Лес большой. Без еды, без огня - умрёшь. - Он посмотрел на неё с чем-то похожим на сочувствие. - Не уходи. Дождись портала. Месяц - не вечность.

Лена не ответила. Она отошла к своему дому, зашла внутрь и легла на шкуры. Спать не хотелось - было слишком светло, слишком шумно, слишком всё неправильно. Но тело требовало отдыха - она не выспалась прошлой ночью, да и позапрошлой тоже, если честно. Последние полгода она вообще спала плохо - после ухода Ильи ночи стали длинными и пустыми. Но сейчас пустота была другой. Она была не внутри, а снаружи. Она была всем миром.

Лена закрыла глаза и попыталась представить, что она дома. Что сейчас откроет глаза и увидит знакомый потолок с трещиной, которую она всё собиралась зашпаклевать, но руки не доходили. Увидит Ваню, который спит рядом, раскинувшись звёздочкой. Услышит, как за стеной мама гремит посудой. Но когда она открыла глаза, увидела только брёвна и гобелен с кораблями.

Она сжала зубы и отвернулась к стене.

Следующие три дня слились в один бесконечный серый ком. Лена почти не выходила из дома - только чтобы сходить

к сосне и сделать новую зарубку. Все эти дни у порога её дома оставляли воду, кашу с мясом и кусок хлеба - чёрного, плотного, похожего на кирпич. Она ела, потому что понимала: сил без еды не будет, а без сил она не выживет. А если она не выживет, Ваня останется один.

Эта мысль стала её якорем. Каждый раз, когда хотелось лечь и не вставать, она думала о Ване. Каждый раз, когда каша вставала поперёк горла, она вспоминала его улыбку. Каждый раз, когда ночью в темноте слышались непонятные звуки - то ли звериные, то ли человеческие - и сердце уходило в пятки, она шептала: «Ради Вани, ради Вани, ради Вани».

На четвёртый день что-то случилось. Лена проснулась от того, что кто-то тряс её за плечо. Она открыла глаза и увидела Олафа. Он стоял над ней, хмурый, с топором на поясе.

- Вставай, - сказал он. Это слово она уже выучила - Эйнар объяснил, что «риз» означает «вставай» или «поднимайся».
- Идём.

- Куда? - спросила Лена, садясь на шкурах. Голос был хриплым - она не разговаривала почти три дня, только с Эйнаром иногда перебрасывалась парой фраз.

Олаф не ответил. Он вышел, и Лене ничего не оставалось,

кроме как последовать за ним. Она накинула куртку - ту самую, в которой пришла, грязную и порванную на локте - и вышла на улицу.

Солнце стояло высоко - значит, ближе к полудню. Лагерь был почти пуст - только женщины у костров да несколько стариков, чинивших сети. Олаф шёл быстро, не оглядываясь, и Лена едва поспевала за ним. Он привёл её к ручью - тому самому, что она видела в первый день. Вода в нём была чистой, холодной и звонко бежала по камням.

- Мойся, - сказал Олаф, указывая на ручей. - Воняешь.

Лена опешила. Сначала ей захотелось возмутиться - как он смеет, кто он такой, чтобы указывать ей мыться, как нашкодившей кошке? Но потом она понюхала себя и поняла, что он прав. От неё пахло потом, дымом и ещё чем-то затхлым - пять дней без душа, без смены белья, без нормальной гигиены сделали своё дело. Её тошнило от собственного запаха.

- А... - она огляделась. - Где мыло? Где полотенце?

Олаф не понял слов, но уловил смысл. Он кивнул куда-то в сторону лагеря, и через минуту из кустов вышла та самая женщина с низким голосом - Лена узнала её. В руках жен-

щина держала кусок серого, жирного на ощупь вещества - что-то вроде мыла, только очень грубого, с кусочками золы. И ещё - кусок льняной ткани, который, видимо, заменял полотенце.

- Спасибо, - сказала Лена, принимая всё это.

Женщина что-то ответила - вероятно, «пожалуйста» или что-то в этом роде - и ушла, оставив Лену наедине с Олафом. Тот стоял в отдалении, спиной к ней, и смотрел на лес. Охранял. Чтобы она не сбежала. Или чтобы никто не подошёл.

Лена разделась - быстро, дрожа от холода, хотя день был не такой уж холодным. Вода в ручье оказалась ледяной - горной, наверное, потому что течение было быстрым, а дно каменистым. Она зашла по колено, по пояс, зажмурилась от холода и начала намыливаться этим странным мылом. Оно почти не пенилось, но запах - травяной, с горьковатой ноткой - был даже приятным. Лена тёрла кожу, волосы, смывала грязь, которая, казалось, въелась в поры. Когда она вышла из воды, зубы стучали так сильно, что она боялась их сломать.

Олаф, не оборачиваясь, бросил через плечо что-то - Лена не поняла, но догадалась, что это «одевайся». Она натянула мокрую куртку на мокрое тело и почувствовала, как холод проникает в кости.

- Домой, - сказал Олаф и зашагал обратно.

В доме её ждал сюрприз. На кровати лежала чистая одежда - длинное шерстяное платье, тёплое, грубоватое на ощупь, и что-то вроде льняной рубахи под него. Рядом - кожаные башмаки на мягкой подошве. Лена поняла, что кто-то - наверное, те же женщины - сжалился над ней и принёс смену одежды. Свои джинсы и куртку она повесила сушиться на перекладину у очага - кто-то зажёл огонь, и в доме стало теплее.

Она оделась. Платье было длинным - до щиколоток, - и Лена чувствовала себя в нём неуклюжей, как в костюме на детском утреннике. Но оно было тёплым. И чистым. Это оказалось важнее всего.

В тот день она впервые за пять дней нормально поела - ту же кашу, но теперь она не вызывала отвращения. Может быть, потому, что Лена была голодна. А может, потому, что тело наконец приняло новую реальность.

Вечером, когда стемнело, Лена вышла из дома и села на крыльце. В лагере горели костры, люди разговаривали, где-то играла музыка - Лена не сразу поняла, что это музыка, потому что инструмент был похож на скрипку, но звучал гру-

бее, пронзительнее. Она сидела и смотрела на огонь.

Подошёл Эйнар. Сел рядом, положив топор на колени.

- Сегодня лучше? - спросил он.

- Немного, - ответила Лена. - Я помылась. Это помогло.

- Чистота - это хорошо, - сказал Эйнар, помолчал и добавил: - Ярл переживал. Думал, ты умрёшь.

- Переживал? - Лена удивилась. - Он выглядит так, будто у него нет чувств.

- Он ярл. Не может показывать слабость. Но он видит, что ты сильная. - Эйнар посмотрел на неё. - Ты плачешь по ночам. Мы все слышим. Но днём ты не плачешь. Это сила.

Лена не знала, что ответить. Она не считала себя сильной - она просто делала то, что нужно было делать. Ела, потому что иначе умрёт. Спала, потому что иначе сойдёт с ума. Не плакала днём, потому что днём за ней наблюдали. А ночью, когда никто не видел, она давала волю слезам. Это не сила. Это выживание.

Посидев ещё немного, Лена заметила, как две женщины -

Гуннхильд и ещё одна молодая викингша - с трудом тащат тяжёлые вёдра от ручья. Лена вспомнила, как сама носила сумки из магазина с Ваней на руках. Она встала, подошла к женщинам и протянула руку к одному из вёдер.

- Давай помогу, - сказала она, показывая жестом.

Женщины переглянулись. Гуннхильд что-то сказала - не то удивлённо, не то предостерегающе. Но Лена уже взялась за деревянную ручку. Ведро было тяжёлым - вода плескалась через край, - но она удержала его и понесла к лагерю. Ноги увязали в мокрой траве, спина заныла, но она не остановилась. Донесла до котла, вылила воду, вытерла лоб и пошла обратно к ручью.

Эйнар догнал её у тропинки.

- Ты не обязана, - сказал он. - Ты не рабыня.

- Я знаю, - ответила Лена. - Но мне нужно двигаться. Иначе я сойду с ума.

Она носила воду до самого вечера. Вёдра натирали ладони, но она не жаловалась. Женщины сначала смотрели на неё настороженно, потом начали кивать - мол, не чужая, помогает. Гуннхильд даже улыбнулась ей разок - коротко, но без

насмешки.

К закату Лена так устала, что едва волочила ноги. Она села на крыльцо, прислонилась к косяку и закрыла глаза. В лагере затихали голоса, костры догорали. Где-то залаяла собака.

- Зачем? - раздался голос над ухом.

Лена открыла глаза. Перед ней стоял Олаф. В руке он держал кружку - не рог, а деревянную кружку с тёплым отваром.

- Чтобы не думать, - ответила Лена. - О сыне. О доме. О том, что я здесь застряла.

Олаф сел рядом, протянул ей кружку. Она отпила - травяной, горьковатый, но согревающий.

- Ты сильная, - сказал он.

- Я просто мать, - ответила Лена. - Которая хочет выжить.

Олаф кивнул, глядя на тлеющие угли костра.

- Вода - это жизнь. Ты помогаешь нести жизнь в лагерь. Это хорошо.

Лена не ответила. Она смотрела на звёзды - чужие, непривычные, но уже не такие пугающие. Сегодня она впервые не плакала перед сном. Усталость взяла своё.

- Спать, - сказал Олаф, вставая.

- Спокойной ночи, - ответила Лена.

Она зашла в дом, легла на шкуры и провалилась в сон без сновидений.

А утром, сделав шестую зарубку на сосне, она снова взялась за вёдра - и понесла их к ручью. Никто не просил. Никто не заставлял. Просто она поняла: пока она двигается - она живёт. А пока она живёт - у неё есть шанс вернуться к Ване.

Глава 2 - «Хлеб и топор»

Шестой день в лагере викингов начался для Лены с того, что она услышала шаги. Тяжёлые, размеренные, они приближались к её дому, и она уже знала, кому они принадлежат. Олаф не умел ходить тихо - да и зачем ярлу красться? Он был человеком-скалой, человеком-ветром, человеком-топором, и каждый его шаг звучал как обещание: «Я здесь, и ничего не случится без моего ведома».

Дверь отворилась без стука. Олаф вошёл, и вместе с ним в дом ворвался запах утра - хвои, сырой земли и дыма от вечернего костра, который до сих пор тлел на поляне. Он посмотрел на Лену, которая сидела на кровати, обхватив колени, и что-то пробормотал на своём языке. Лена за эти дни выучила несколько слов: «еда» - мат, «вода» - ватн, «спасибо» - такк, «иди» - ганг. Но то, что сказал Олаф, она не поняла.

- Я не понимаю, - сказала она, разведя руками.

Олаф нахмурился. Он подошёл к ней, взял за руку и поднял с кровати. Прикосновение было твёрдым, но не грубым - так берут за руку ребёнка, чтобы перевести через дорогу. Лена не сопротивлялась. Она уже поняла, что сопротивле-

ние здесь бесполезно - не потому, что её подавляли силой, а потому, что у неё не было ни плана, ни цели, ни сил на бунт. Она просто плыла по течению, отмечая дни зарубками на сосне.

Олаф вывел её из дома и повёл через поляну. Люди расступались перед ними - не из страха, а из уважения. Лена заметила, как женщины переглядываются, как мужчины кивают ярлу. Она чувствовала на себе взгляды - любопытные, оценивающие, иногда недоброжелательные. Особенно смотрела одна молодая женщина с русыми косами, заплетёнными в тугие жгуты. Она стояла у своего дома, скрестив руки на груди, и взгляд её был холодным, как зимний ручей. Лена подумала, что, наверное, эта женщина хотела бы стать женой ярла. Или была ею раньше - до того, как умерла его настоящая жена. Но Лена не спрашивала. Ей было всё равно.

Олаф привёл её к большому пню в центре лагеря. На пне лежала деревянная доска - толстая, тёмная от времени и жира. Топор и каравай.

Лена уставилась на топор. Это был не тот боевой топор, который Олаф носил на поясе. Этот был поменьше, с более короткой рукоятью и лезвием, которое поблёскивало на утреннем солнце.

- Что это? - спросила Лена, хотя догадывалась.

Олаф взял топор, подошёл к доске, положил на неё каравай и одним точным движением отрубил ломоть. Хруст коросты, глухой удар лезвия по дереву - и ровный, аккуратный кусок хлеба лежал на доске. Олаф поднял его, показал Лене, потом отложил в сторону.

- Ты, - сказал он, указывая на неё. - Хлеб. Резать. Топор.

- Нет, - сказала Лена, делая шаг назад. - Я не буду резать хлеб топором. Это опасно. Я порежусь.

Олаф не понял слов, но понял отказ. Он нахмурился, взял топор и снова сунул его ей в руки. Лена отшатнулась, как от змеи.

- Я не умею, - сказала она, чувствуя, как внутри поднимается паника. - У меня никогда не было топора. У меня дома есть нож для хлеба, обычный нож, с зубчиками. А это... это оружие.

Олаф слушал, не перебивая. Потом сделал то, чего Лена не ожидала. Он рассмеялся. Негромко, скорее выдохнул смех сквозь усы, но уголки его глаз собрались в морщинки, и на мгновение он стал не грозным ярлом, а просто большим усталым мужчиной.

- Хлеб, - сказал он, показывая на каравай. - Топор. Не оружие.

Он снова протянул ей топор рукоятью вперёд. Лена посмотрела на его руки - широкие ладони, короткие крепкие пальцы, мозоли на каждом сантиметре. Эти руки держали топор тысячи раз. Эти руки убивали людей. Эти руки вчера лежали на её плече, и от них исходило тепло.

- Ладно, - сказала она, беря топор. - Но если я отрублю себе палец, вы будете меня лечить.

Олаф не понял, но кивнул. Он встал сзади, почти вплотную, и Лена почувствовала жар его тела - он был как печка, от него шло тепло, которое пробивало даже шерстяное платье. Он взял её руки в свои - огромные, шершавые, - и вложил топор правильно. Лена чувствовала, как её ладони тонут в его ладонях, как пальцы сжимаются вокруг рукояти.

- Так, - сказал он, направляя её руки. - Держать крепко. Не бояться. Ударить - прямо.

Он помог ей поднять топор и опустить - лезвие ударило по хлебу, но Лена ударила слишком слабо, и топор застрял в коросте, не прорезав её до конца. Она дёрнула - топор выскользнул из рук и упал на доску с глухим стуком.

- Чёрт, - выдохнула Лена. - Я говорила.

Олаф не рассердился. Он поднял топор, снова вложил его ей в руки и повторил движение - медленно, как учат детей. Рука Лены лежала поверх его руки, и она чувствовала, как напрягаются мышцы под его кожей. Это было странное ощущение - быть ведомой, быть ученицей, быть той, кто не знает самого простого.

- Ещё, - сказал Олаф.

Лена занесла топор. В этот раз она ударила сильнее - лезвие вошло в хлеб почти до середины. Она дёрнула, вытащила, ударила снова. Хлеб раскололся на две неровные половины. Одна половина упала на землю.

- Ура, - безрадостно сказала Лена. - Я великий хлеборез.

Олаф поднял упавшую половину, отряхнул её и положил обратно на доску.

- Ещё, - сказал он.

Они репетировали около часа. Лена рубила хлеб снова и снова, и каждый раз ломти получались разными - то тонки-

ми, как бумага, то толстыми, как полено, то кривыми, как сама кривизна. Топор казался ей неподъёмным, хотя на самом деле весил не так много - просто непривычно. Руки быстро устали, на ладонях начали натираться мозоли. Но Олаф не отпускал её, и Лена не сдавалась.

К концу часа она уже могла отрубить ломоть с одного удара - не всегда ровный, но целый. Олаф смотрел на её работу молча, и на его лице не было ни одобрения, ни разочарования. Просто наблюдение.

- Хорошо, - сказал он наконец. - Завтра - ещё.

Лена вытерла пот со лба тыльной стороной ладони и почувствовала, как пахнет от её рук - деревом, ржаным хлебом и немного металлом.

Вечером того же дня, когда Лена уже почти забыла об утреннем уроке, случилось то, что заставило её кровь закипеть. Она сидела у своего дома, перебирала какие-то травы - женщины дали ей задание отделить сухие листья от свежих, и она делала это механически, - когда услышала смех.

Смеялись двое мужчин, которые стояли у костра. Они смотрели на неё и переговаривались, показывая пальцами. Лена не понимала языка, но интонацию угадала без перевода

- насмешку. Они смеялись над тем, как она резала хлеб. Над её неуклюжестью. Над тем, что женщина из другого мира не умеет обращаться с топором.

Лена опустила голову и сделала вид, что не замечает. Но внутри всё горело. Ей хотелось встать, подойти к ним и сказать что-то резкое, обидное. Но что она скажет? Они всё равно не поймут.

Смех стал громче. К двум мужчинам присоединился третий - тот самый молодой викинг с русыми волосами, который смотрел на неё с неприязнью с первого дня. Он что-то сказал, и все трое захохотали, глядя прямо на Лену.

И в этот момент из дома выскочил Олаф.

Лена не поняла, что он сказал - слова были резкими, рублеными, как удары топора. Но тон не оставлял сомнений: это был рык. Рык вожака, рык вожака стаи, который не потерпит, чтобы его подопечную обижали. Олаф сделал два шага в сторону костра, и мужчины мгновенно замолчали. Тот, что смеялся громче всех, побледнел и опустил глаза. Олаф произнёс ещё одну фразу - короткую, как приговор, - и все трое разошлись по своим делам, не оглядываясь.

Олаф повернулся к Лене. Несколько секунд смотрел на

неё - спокойно, без гнева. Потом кивнул и ушёл обратно в дом.

Лена сидела, сжимая в руке пучок травы. Она не знала, что чувствовать. Стыд? Благодарность? Злость на себя за то, что не может защитить себя сама? Всё вместе. Она посмотрела на свои ладони - на них уже проступали первые мозоли, красные, болезненные. Руки пахли хлебом.

«Он защитил меня, - подумала она. - Просто так. Не потому, что я ему нужна для пророчества. А потому, что я его... своя».

Она отогнала эту мысль. Глупости. Она не своя. Она чужая, заложница, гостья на месяц. Ничего больше.

На седьмой день Лена проснулась раньше обычного. Солнце ещё не встало, но небо на востоке уже светлело, обещающая ясный день. Она вышла из дома и пошла к сосне - сделать ещё одну зарубку. Седьмую. Оставалось двадцать три дня.

Когда она вернулась, Олаф уже ждал её у пня. Рядом снова лежал хлеб - свежий, тёплый, пахнущий рожью и тмином. И топор.

- Сегодня сама, - сказал Олаф. - Я смотреть.

Лена подошла к пню, взяла топор. Руки слегка дрожали - то ли от холода, то ли от волнения. Она положила каравай на доску, придерживая его левой рукой. Вдохнула. Занесла топор. Ударила.

Лезвие вошло в хлеб ровно, и ломоть отделился чисто. Лена подняла его - он был толстоват, но ровный, не кривой. Она положила его на доску и посмотрела на Олафа. Тот молчал, но в его глазах она увидела что-то вроде одобрения.

- Ещё, - сказал он.

Лена ударила снова. И снова. В этот раз у неё получалось лучше - может быть, потому, что она не так боялась, а может, потому, что руки запомнили движение. Четыре ломтя лежали на доске, и все были почти одинаковой толщины.

Олаф подошёл, взял один ломоть, поднёс к глазам, повертел. Потом кивнул.

- Хорошо, - сказал он. - Вечером - резать хлеб. Сама. Всем.

Лена почувствовала, как сердце ухнуло вниз. Всем? Все-му лагерю? Там же больше полусотни человек. Ей придётся

нарезать хлеб для всех. Это не пять ломтей, это целая гора.

- Я не смогу, - сказала она. - У меня руки устанут.

Олаф посмотрел на неё как на ребёнка, который говорит, что не может доесть кашу.

- Резать, - сказал он и ушёл.

Весь день Лена провела в тревоге. Она помогала женщинам - носила воду, чистила рыбу, собирала хворост, - но мысли её возвращались к вечеру. Она представляла, как берёт топор, как режет хлеб, а все смотрят - те самые мужчины, которые вчера смеялись. И если она ошибётся, они снова засмеются. А Олафа рядом не будет - он будет сидеть на своём троне и смотреть издалека.

Около полудня к ней подошёл Эйнар.

- Переживаешь? - спросил он, садясь рядом на бревно.

- Да, - призналась Лена. - А что, заметно?

- Лицо белое, - сказал Эйнар. - Как снег. - Он помолчал. - Ярл верит в тебя. Он не дал бы тебе работу, если бы не верил.

- Он не верит в меня, - возразила Лена. - Он просто хочет, чтобы я была полезной. Бесплатных ртов здесь не любят.

Эйнар пожал плечами.

- Может быть. Но он не стал бы учить тебя, если бы не видел в тебе... - он покрутил рукой в воздухе, подбирая слово, - ...огонь.

- Какой огонь?

- Тот, который внутри. Тот, который не гаснет. - Эйнар посмотрел на неё серьёзно. - Ты не сдалась в первый день. Не сдалась, когда плакала. Не сдашься и сейчас.

Лена хотела сказать, что она не героиня, что она просто мать, которая хочет вернуться к сыну, но слова застряли в горле. Потому что Эйнар был прав. Она не сдалась. Она могла лечь на шкуры и умереть от голода и тоски - и никто бы не остановил её. Но она не легла. Она встала. Она поела. Она пошла мыться. Она взяла в руки топор. Может быть, в этом действительно был огонь.

Вечером, когда солнце уже садилось и лагерь окрасился в оранжево-розовые тона, Лена вышла к общему костру. В руках она держала топор. На пне лежали пять караваев хлеба,

рядом еще - свежих, только что из печи, которую женщины топили с утра.

Люди собирались вокруг - кто с мисками, кто с кружками. Дети бегали между взрослыми, собаки выпрашивали объедки. Олаф сидел на своём кресле и смотрел на Лену. Она чувствовала его взгляд - спокойный, без давления. Он не подбадривал её, не кивал. Просто ждал.

Лена взяла первый каравай, положила на доску. Вдохнула. Занесла топор.

Тишина. Даже дети перестали шуметь - видимо, кто-то шикнул на них.

Удар. Ломоть отделился - ровный, аккуратный. Лена положила его в деревянное блюдо, которое стояло рядом. Второй удар. Третий. Она работала быстро, не думая о том, кто на неё смотрит. Руки двигались сами - то самое мышечное память, которое вырабатывается за один день, если очень постараться. Четвёртый каравай. Пятый.

Когда всё было кончено, Лена выпрямилась и вытерла лоб. Блюдо было полным - груды хлебных ломтей, пахнущих свежей выпечкой. Она сделала это. Сама.

Первой заговорила женщина с низким голосом - та, что привела Лену в дом в первый день. Она сказала что-то короткое, и по толпе прокатился одобрителный гул. Кто-то захлопал в ладоши - Лена удивилась, потому что не ожидала аплодисментов от викингов. Но они хлопали. Даже те двое, которые смеялись вчера - правда, без особого энтузиазма.

Лена посмотрела на Олафа. Он сидел неподвижно, но его лицо изменилось. Уголки губ чуть приподнялись - не улыбка, но что-то близкое к ней. Он кивнул - один раз, медленно, словно подтверждая: «Да, ты справилась».

Лена опустила топор и отошла в сторону, чтобы не мешать женщинам раздавать еду. Сердце колотилось где-то в горле. Руки дрожали - теперь не от страха, а от усталости и выброса адреналина. Она села на бревно у своего дома и смотрела, как лагерь ужинает.

Подошёл Эйнар с двумя мисками - в одной была каша, в другой - кусок хлеба, тот самый, который она нарезала.

- Твой хлеб, - сказал он, протягивая миску. - Хороший.

Лена взяла хлеб, отломилa кусочек и положила в рот. Он был тёплым, мягким, с кисловатым привкусом закваски. Самый обычный хлеб. Но сейчас он казался ей самым вкусным,

что она ела в своей жизни.

- Спасибо, - сказала она Эйнару.

- Не меня благодари, - ответил он, кивнув в сторону Олафа. - Ярл дал тебе шанс. Ты им воспользовалась.

Он ушёл, а Лена осталась сидеть, жуя хлеб и глядя на огонь. Где-то в глубине лагеря заиграла музыка - та самая, похожая на скрипку, но грубее. Кто-то запел - низким, тягучим голосом, без слов, просто мелодию. Лена не понимала песню, но она была красивой - грустной и торжествующей одновременно.

Ночью, лёжа на шкурах, Лена думала о том, что произошло. Она научилась резать хлеб топором. Это казалось ей абсурдным - в её мире для этого есть ножи, хлебoreзки, в конце концов, можно купить уже нарезанный. Но здесь, в этом грубом, жестоком мире, умение держать топор было не просто навыком. Это было заявление: «Я могу быть полезной. Я не обуза. Я выживу».

Она вспомнила лицо Олафа, когда он кивал ей. В этом кивке не было гордости - скорее, удовлетворение от того, что он не ошибся. Он вложил в неё время и силы, и она оправдала его ожидания. Лена не знала, радоваться этому или бо-

яться. Потому что чем больше она становилась нужной, тем сложнее будет уйти через три недели.

«Двадцать три, - подумала она. - Осталось двадцать три дня».

Она закрыла глаза и попыталась представить Ваню. В этот раз образ был ярче - она видела его лицо, его улыбку, его маленькие пальцы, сжимающие ложку. И ей показалось, что Ваня улыбается ей не просто так, а с надеждой. Как будто он знал, что мама вернётся. Как будто он чувствовал, что она борется за него.

Лена улыбнулась в темноте.

- Я справлюсь, Ваня, - прошептала она. - Ещё немного. Мама уже умеет резать хлеб топором. Представляешь? Твоя мама - почти викинг.

Она уснула с этой мыслью, и впервые за семь дней ей не снились кошмары. Ей снился Ваня - он сидел за большим столом, и перед ним лежала тарелка с хлебом, нарезанным ровными ломтями. И рядом с Ваней сидел тот мужчина из её сна - без лица, но с тёплыми ладонями. И он держал Ваню за руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.